

было ли между VI и X вв. помазание византийских императоров мирром, хотя еще Ф. Успенский отмечал существование института помазания мирром со времен Маркиана (V в.)³³. Невьясненными он считает и причины сопротивления монастырей императорам, в то время как в советском византиноведении этот факт находит вполне четкое объяснение и связывается с процессом феодализации и борьбы императоров за землю для наделения ею военных вассалов.

Советские историки с интересом следят за разработкой проблем русской истории в зарубежной литературе, они приветствуют любой опыт объективного, научного решения неисследованных и мало исследованных вопросов взаимоотношений Византии и Руси. Вместе с тем нельзя не встретить принципиальной критикой попытки идеалистической, неверной трактовки исторического прошлого России.

С. М. Каштанов

THE FALL OF CONSTANTINOPLE

SCHOOL OF ORIENTAL AND AFRICAN STUDIES

University of London, 1955

Рецензируемая работа представляет собой сборник, состоящий из пяти статей-докладов, прочитанных в Лондонском университете на конференции Института по изучению Востока и Африки. Все пять статей посвящены взятию Константинополя турками и приурочены к 500-летию этого события.

В статьях говорится об общем значении падения Константинополя¹, о попытках мусульман захватить этот город уже в VII—VIII вв.², об особенностях и последствиях взятия города³, и о том значении, которое это событие имело для истории Центральной и Восточной Европы⁴, а также Италии⁵.

Тематика статей указывает на то, что составители сборника стремились осветить перед широкой аудиторией взятие Константинополя турками с точки зрения значения этого события для истории народов Азии и Европы. Такая постановка вопроса имеет определенный интерес. Кроме того, она позволяет объединить все статьи в единое целое. Надо признать удачной и ту форму, в которой это сделано: статьи читаются легко и, несомненно, должны были без труда восприниматься слушателями.

Все статьи, входящие в состав сборника, объединяются, однако, не только их основной тематикой. Их объединяет и общая принципиальная установка, подчеркнутая уже в кратком вступлении ко всему сборнику (стр. 3).

Основным положением, принятым во всех статьях, является мысль, что значение взятия турками Константинополя сильно преувеличивается, что ни для греков, ни для Восточной Европы, ни для Италии это событие не имело того значения, которое ему обычно приписывают. Авторы считают, что падение Византии произошло уже в 1204 г. и что для

³³ Ф. И. Успенский. *История Византийской империи*, т. III. М.—Л., 1948, стр. 805.

¹ S. Runciman. *The Fall of Byzantium*.

² B. Lewis. *Constantinople and the Arabs*.

³ P. Wittek. *Fath Mubin. An Eloquent Conquest*.

⁴ R. R. Betts. *Central and Southern Europe*.

⁵ N. Rubinstein. *Italy*.

1453 г. речь может идти, собственно, только о конце византийской культуры, об окончании одного из эпизодов христианской цивилизации (стр. 10). Авторы признают некоторое значение падения Константинополя и для Руси (стр. 23).

Такое основное положение сборника вызывает серьезные возражения. Прежде всего оно неизбежно заставило авторов статей соответствующим образом объяснить как сам факт захвата города, так и поведение при этом турок. Так, например, указывается, что право турок на Константинополь установлено еще законом пророка (стр. 15, 16, 42), что турки уже раньше пытались осуществить это право (стр. 13, 14), что город представлял вечную опасность для мусульманских народов (стр. 39) и поэтому имел важное значение для создававшего сильную мусульманскую державу Мехмеда II (стр. 40). Следовательно, взятие города предлагается рассматривать не как гибель старой империи, а как рождение новой. Таким образом в конечном итоге проводится мысль об исторической обреченности города.

Подробно излагая свою точку зрения на взятие Константинополя, авторы, к сожалению, слишком мало говорят об отношении к этому вопросу тех, кого он прежде всего касался, т. е. самих византийцев. Расценивая значение падения Константинополя для населения Византии, авторы ограничиваются самыми общими высказываниями. Так, например, указывается на важность установленного при турках относительного спокойствия, на происшедшее оздоровление, на рост торговли, на повышение материального благосостояния народа.

Между тем в трудах современных византийских писателей факт падения Константинополя расценивался совершенно иначе. Обширная литература, вызванная этим событием, не является результатом его сенсационности, но отражает то действительное значение, которое имело для греков падение города: оно было воспринято в Византии (да и не только там) как величайшее несчастье. Византийские современные источники, как правило, не проявляют примиренческого или равнодушного к нему отношения. Не говоря уже о широко известных „Плачах“, стоит вспомнить хотя бы слова Дуки, утверждавшего, что только надежда на обратное возвращение города дает ему силу продолжать писать свою „Историю“⁶. Приблизительно такую же мысль высказывает и Халкокондил⁷. Даже туркофил Критовул расценивает падение Константинополя как исключительное бедствие⁸. Особенно характерно в этом отношении высказывание Сфрандзи. Говоря об одном греческом грамматике, деятельность которого в качестве турецкого посла к Георгию Бранковичу способствовала захвату Константинополя турками, Сфрандзи пишет: „И он не задумался над этим, не испугался, не понял, несчастный, что если отрубить голову, то и все тело погибнет“⁹.

Неправильно и безоговорочное утверждение авторов статей, что греки очень охотно признали власть турок. Авторы совершенно забывают о той героической борьбе за независимость, которая после падения Константинополя шла на территории Пелопоннеса, где с греками объединилось все население полуострова, о чем так много и подробно рассказано у Халкокондила (стр. 443, 457—471).

⁶ Ducas. *Historia Byzantina*. Bonnae, 1834, p. 318.

⁷ Laonici Chalcocondylae Atheniensis *Historium Libri decem*. Bonnae, 1843, p. 4.

⁸ Critobulus. *De rebus gestis Mechemetis II*. Vol. V. Pars prior. Parisiis, 1883, p. 99.

⁹ Phrantzes. *Chronicon*. Bonnae, 1838, p. 323.

В связи с принятой в сборнике основной неверной установкой неправильно изображается и положение попавшего в плен населения. Признавая, что после взятия города населению действительно пришлось претерпеть исключительные страдания, авторы, однако, считают, что в конце концов положение пленных оказалось не столь тяжелым, как это обыкновенно думают, что даже разрозненные семьи впоследствии благополучно соединялись. Конечно, случаи такие бывали, но они касались прежде всего представителей духовенства или членов знатных и богатых семей. Они или сами выкупали себя из плена, или их выкупали другие, заинтересованные в этом лица. В частности, это можно сказать о тех, кого выкупил Георгий Бранкович (Ducas, p. 315).

Если пленные даже из среды знати и духовенства далеко не всегда могли вырваться на волю (как это было с семьей Сфрандзи) и благополучно соединиться, то основная масса населения едва ли вообще могла рассчитывать на это. Источники указывают, что при разделе пленных между солдатами (Critobul., p. 101) семьи, как правило, оказывались разрозненными (Critobul., p. 99). Дука называет их рабство „страшным“, а переселение „горьким“. „Да и как совершалось это переселение, — говорит Дука, — в Пафлагонии — муж, в Египте — жена. Дети рассеяны по другим местам, меняют язык, меняют веру“ (стр. 311). Анализ византийских источников указывает на тяжелое положение порабощенных после взятия города людей. Очень жаль, что авторы не учитывали свидетельства этих источников.

Считая, что материальные, политические и военные последствия падения Константинополя были незначительны (стр. 21), составители сборника признают, однако, что это событие сыграло большую роль, так как оно повлияло будто бы на культуру Восточной Европы.

Влияние на Восточную Европу сказалось, по их мнению, в том, что защитницей православия и носительницей идеи империи становится отныне Россия (стр. 23). Идея империи, по их словам, была перенесена в Москву славянами-эмигрантами и закреплена на русской почве браком Ивана III с Софьей Палеолог.

Повидимому, авторы сборника под „идеей империи“ подразумевают стремление московских князей уничтожить феодальную раздробленность и объединить в своих руках все русские земли. Тем самым сложнейший процесс становления великорусской народности, складывание на Руси централизованного государства составители сборника объясняют простой филиацией идей, которыми руководствовались византийские императоры. При этом совершенно не учитывается, что еще задолго до падения Константинополя на Руси шел самостоятельный процесс формирования централизованного государства, явившийся результатом социально-экономического развития страны. Возникновение централизованного государства было закономерно и неизбежно на определенном этапе развития феодального общества. Хотя в Восточной Европе еще не полностью созрели необходимые условия для такого объединения, ряд обстоятельств, в первую очередь необходимость организовать силы для отпора татарам, способствовал тому, что такое государство сложилось именно вокруг Москвы. Брак Ивана III с Софьей Палеолог, которой наряду со славянскими эмигрантами приписывается в сборнике основная роль по переносу на Русь идеи империи, надо рассматривать именно в свете этих соображений. Брак с Софьей был одним из следствий роста авторитета русского государства. Этот брак надо рассматривать и как возобновление старых династических отношений могущественных русских князей периода Киевской Руси с иностранными властителями.

Неясно, что именно имел в виду один из авторов сборника, подчеркивая католицизм Софьи. Конечно, Софья (воспитание которой осуществлялось под наблюдением Виссариона Никейского), находясь под сильным влиянием католической церкви, была или казалась католичкой. Из письма Виссариона известно, что дети Фомы Палеолога должны были воспитываться строго в духе латинской веры, так как только при таком условии им была обеспечена поддержка папы. Хотя папа определенно рассчитывал на Софью в деле установления на Руси католической веры, все же подчеркивать „католицизм“ Софьи — русской великой княгини — не приходится. Достаточно вспомнить тот факт, что она и представители русского православного духовенства поставили в трудное положение прибывшего с ней кардинала, а также исход богословского спора между ним и духовными лицами русской церкви. Да и все дальнейшие события с полной очевидностью показали, что надежды папы на Софью не оправдались, и поэтому особо подчеркивать „католицизм“ Софьи бесцельно.

Неправильно также представление авторов сборника о взаимоотношениях между Русью и славянскими эмигрантами и о роли последних, в частности Киприана и Пахомия, в развитии русской культуры.

Действительно, сербские и болгарские эмигранты часто находили приют на Руси. Многие из них внесли свой положительный вклад в русскую культуру, осуществляя на деле ту культурную связь, которая вообще существовала между северо-восточными и юго-восточными славянами. Приписывать одним славянским эмигрантам, как это сделано в сборнике, возрождение русской культуры, значит не учитывать условий русской жизни, особенностей развития ее культуры. Возрождение литературы этого периода надо прежде всего приписывать общему подъему, начавшемуся в период после ослабления татарского ига, когда бурно развиваются живопись, архитектура и литература. История русской культуры неразрывно связана с историей Москвы, ставшей политическим и культурным центром формирующегося централизованного русского государства. Поэтому признавая тот вклад, который внесли в русскую культуру Киприан и Пахомий, нельзя только им одним приписывать возрождение национальной культуры целого народа. Таковы в основном те возражения, которые вызывают статьи рецензируемого сборника и отметить которые совершенно необходимо.

Е. Б. Веселаго

W. H. C. FRENDE. NORTH AFRICA AND EUROPE IN THE EARLY MIDDLE AGES

(The Transactions of the Royal Historical Society. 5th Series, vol. V, 1955, p. 61—80)

Статья В. Френдера (доклад, прочитанный им в английском Королевском историческом обществе) имеет своей целью выяснить некоторые причины, приведшие к ослаблению торговых связей между различными странами средиземноморского бассейна в VII—VIII вв. Автор поставил перед собой задачу внести уточнения и исправления в неоднократно высказывавшуюся точку зрения, согласно которой основным фактором, нарушившим регулярную торговлю на Средиземном море, явились подрывавшие ее действия арабского флота. В. Френд приводит данные, показывающие, что ни политика арабских правителей, ни операции арабского флота не были специально направлены на разрушение торговых связей (стр. 62—63). Останавливаясь на причинах ослабления торговли между